ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

DOI: 10.31079/1992-2868-2021-18-2-172-176

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПРОНИКНОВЕНИЮ КАТОЛИЧЕСКИХ МИССИОНЕРОВ ИЗ МАНЬЧЖУРИИ В ПРИАМУРЬЕ И ОТНОШЕНИЕ К РОССИЙСКИМ КАТОЛИКАМ НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА

А.Л. Анисимов

М.Н. Зинятова

В статье анализируется деятельность Министерства внутренних дел, полиции и пограничных властей по пресечению проникновения и деятельности католических миссионеров в Приамурье в середине XIX в., а также отношение органов внутренних дел Российской империи к российским католикам, проживавшим на юге Дальнего Востока в 60-е гг. XX в.

Ключевые слова: МВД, полиция, пограничные власти, Российская империя, Маньчжурия, католические миссионеры.

OPPOSITION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS AND THE POLICE OF THE RUSSIAN EMPIRE TO THE PENETRATION OF CATHOLIC MISSIONARIES FROM MANCHURIA TO THE AMUR REGION AND THE ATTITUDE TOWARDS RUSSIAN CATHOLICS IN THE SOUTH OF THE FAR EAST IN THE 60S OF THE XIX CENTURY

A.L. Anisimov

M.N. Zinyatova

The article analyzes the activities of the Ministry of Internal Affairs, police and border authorities to prevent the penetration and activities of Catholic missionaries in the Amur region in the middle of the XIX century, as well as the attitude of the internal affairs authorities of the Russian Empire to Russian Catholics who lived in the south of the Far East in the 1960s of the XX century.

Keywords: Ministry of Internal Affairs, police, border authorities, Russian Empire, Manchuria, Catholic missionaries.

В середине XIX в. на Амуре появляются католические миссионеры, которые проникают из Маньчжурии (де ла Брюньер и Вено). Весной 1861 г. на Амур из Ляодуна пребывает экспедиция во главе с двумя римско-католическими миссионерами в сопровождении 6 служителей из китайцев-христиан католического исповедания. По Сунгари они спустились к Михайло-Семеновску, где встретились с военным губернатором Амурской области. Затем они отправились в Приморскую область. Один из миссио-

неров остался в Хабаровке, а другой (А. Франкле) на пароходе «Амур» отбыл в Николаевск, там он встретился с военным губернатором Приморской области П.В. Казакевичем, которому сообщил о цели своей поездки: сбор сведений о погибшем французском католическом миссионере де ла Брюньере – и просил оказать ему содействие в этом деле. Но, как оказалось впоследствии, Франкле важнее было остаться на зиму в Николаевске и совершать богослужения по обряду католической церкви.

Анисимов Александр Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Anisimov Alexander Leonidovich – Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Social, Humanities and Economic Sciences Disciplines at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia (Khabarovsk).

E-mail: anisimov0802@gmail.com

Зинятова Марина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин Дальневосточного юридического института МВД России (г. Хабаровск).

Zinyatova Marina Nikolaevna – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Social, Humanities and Economic Disciplines at the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia (Khabarovsk).

E-mail: anisimov0802@gmail.com

© Анисимов А.Л., Зинятова М.Н., 2020

Из слов французского миссионера и его распросов П.В. Казакевич догадался, что целью просителя было обращение коренных жителей края в католицизм. Зная образ действий католических миссионеров в Китае и учитывая то, что А. Франкле владел китайским и маньчжурским языками, одевался по-восточному и вел соответствующий образ жизни, губернатор понимал, что миссия католиков может быть весьма успешной. Это могло воспрепятствовать деятельности православных священников среди местного населения. П.В. Казакевич решил отклонить просьбу католического миссионера и объявил ему, что, несмотря на все свое желание, он не имеет возможности дать Франкле в Николаевске приличного помещения и не может позволить ему проповедовать слово Божие, так как в Приамурье были свои миссионеры, православные, которые получили особое разрешение на такую деятельность и имеют право обращаться в христианскую религию язычников в своем округе. В то же время Казакевич заявил, что Франкле может обратиться в Иркутск к генерал-губернатору Восточной Сибири, от которого может получить положительный ответ на свою просьбу.

Получив отрицательный ответ, французский миссионер попросил разрешения возвратиться в Хабаровку, где его ждал другой миссионер, и перезимовать там. Исходя из того, что в районе Хабаровки туземное население было незначительным и потому здесь менее всего Франкле мог преуспеть в своей миссии, военный губернатор согласился на просьбу.

По сведениям военного губернатора, в Китае и Маньчжурии находилось много католических миссионеров, которые располагали огромными средствами, имели большой опыт ведения пропаганды среди местных жителей [2: с. 309–319; 3: л. 2–4; 1: л. 1–4, 7].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, получив сообщение П.В. Казакевича, доложил министру внутренних дел П.А. Валуеву о появлении в Приамурье католических миссионеров и о действиях местных властей в этой связи. Последний приказал довести до сведения местных властей, что нельзя допускать подобной пропаганды в России. Валуев отмечал, что католическое духовенство стремилось к расширению своего «исключительного вероучения». Попытка французских миссионеров должна быть отклонена и «распространение католицизма в Приморской области не допустимо ни под каким предлогом» [3: л. 8–9; 1: л. 7–8 об.].

В 1864 г. в Николаевске более двух месяцев проживал католический миссионер, проезд которого казался властям очень подозрительным. Размещался он в доме чиновника-католика, каковых в Приморской области было достаточно много, целью своего визита миссионер объявил знакомство с

краем. Во время пребывания в Николаевске миссионер встречался со всеми местными католиками, но был предупрежден, что отправление богослужения и совершение треб ему не позволялось, а полиции было дано поручение строго наблюдать за этим. Но, тем не менее, миссионер нарушал это запрещение и исполнял требы, хотя возможности уличить его в этом не было. Это было связано с тем, что католические священники имели сильное влияние на свою паству, и было трудно ожидать, что кто-либо из католиков стал бы доносителем или свидетелем против своего священника. Другой миссионер находился в Хабаровке, где пробыл недолго и вскоре возвратился в Китай. Казакевич не сомневался, что католические миссионеры не стали бы тратить время на путешествия без цели религиозной или политической пропаганды. Но средства полицейского надзора были весьма недостаточными, полицейский надзор остался «пустой формальностью». Единственное средство избавиться от посещения католических миссионеров, считал губернатор, – «это приложение во всей строгости паспортной системы», при отсутствии паспортов их можно было бы не допускать в российские владения. Соответствующие предписания были даны пограничным властям [3: л. 14–16 и об.; 1: л. 15–16 об.].

Восточно-Сибирские власти попросили П.В. Казакевича и управляющего Амурской областью принять все меры для предупреждения всяких неблагоприятных попыток со стороны миссионеров и ограждения интересов православной церкви. Предлагалось напомнить всем местным, особенно пограничным властям, которые в это время входили в состав МВД, строго наблюдать за подобными миссионерами и не позволять им никаких противозаконных действий [1: л. 13–14; 3: л. 10–12 об., 14 и об.].

В этот же день П.В. Казакевич также дал предписание начальнику поста в Хабаровке, куда могли прибыть по Амуру иностранцы из Китая, спрашивать у них документы, удостоверявшие личность, а лиц, которые не имели паспортов, не допускать к дальнейшему следованию и предлагать им возвращаться назад. Этому правилу должны были подчиняться и иностранные миссионеры [3: л. 13].

Генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков, выполняя указания министра внутренних дел, 3 августа 1865 г. направил секретные письма новому военному губернатору Приморской области И.В. Фуругельму и военному губернатору Амурской области Н.В. Буссе, в которых было предписано не допускать ни под каким предлогом миссионеров в пределы области, тем более что при знании ими туземных языков и при нахождении в войсках бывших политических преступников они могли преследовать и другие цели. Фуругельму предписывалось не до-

пускать никаких сношений между политическими преступниками и иностранцами [3: л. 16; 1: л. 19 и об.].

Во исполнение предписаний генерал-губернатора 28 сентября Фуругельм направил своё предписание софийскому земскому исправнику не впускать в округ миссионеров и «в особенности не позволять им иметь какие-либо сношения с туземцами» [3: л. 18 и об.].

30 июля 1865 г. Департамент Духовных Дел иностранных исповеданий МВД Российской империи направил генерал-губернатору Восточной Сибири секретное предписание за № 124, полученное в Иркутске 4 сентября этого года, в котором сообщалось, что российский посланник в Пекине уведомил о своей встрече с католическим епископом Маньчжурии Веродем. Последний был убеждён, что католические миссионеры имели право проповедовать в Приамурье. Российский посланник пытался убедить Веродема в том, что «пока низовья Амура и Уссурийский край составляли часть Маньчжурии, то они входили в состав его Епархии, но что в настоящее время они уже не могут быть в его ведении», так как вошли в состав Российской империи, но безуспешно [1: л. 28 и об.]. В связи с этим министр внутренних дел просил генерал-губернатора собрать и доставить ему сведения о числе католиков в Амурском крае, действительно ли среди населения Уссурийского края находилось много католиков, были ли случаи принятия инородцами католической веры в результате деятельности прибывавших из-за границы миссионеров и продолжались ли такие обращения [1: л. 28 об. – 29]. Выполняя предписание министра внутренних дел, М.С. Корсаков отдал 14 сентября соответствующие распоряжения военным губернаторам Приморской и Амурской областей [1: л. 30 и об., 26–27]. Подобное задание получили и командиры частей, расположенных в Восточной Сибири.

Российские власти считали присутствие французских миссионеров в Приамурском крае «весьма вредным для края» по двум причинам. Во-первых, они знали местные языки и могли распространять между туземцами своё учение, что противоречило законам Российской империи [4: ст. 4; 5, ст. 104, 110]. Во-вторых, из-за значительного числа лиц – бывших политических преступников, которые находились в войсках, миссионеры могли преследовать и другие, нерелигиозные, цели, которые противоречили интересам российского правительства.

13 декабря 1867 г. директор Азиатского департамента МИДа сообщил М.С. Корсакову, что товарищ (заместитель) министра иностранных дел Вестман уведомил П.А. Валуева «о необходимости принятия мер к отклонению на будущее время приезда в наши пределы иностранных миссионеров».

На этом основании Корсаков предписал подчинённым принять это указание МИДа «к неуклонному руководству». 23 февраля 1868 г. об этом были извещены губернаторы Амурской, Приморской и Забайкальской областей [1: л. 49 и об.].

Полицейское наблюдение за действиями иностранных миссионеров из-за разбросанности населения на огромном пространстве юга Дальнего Востока было «весьма затруднительным». Запрет на посещение иностранными миссионерами Приамурья, согласно существовавшим законам, был невозможен [1: л. 50 и об.].

Проникновение католических миссионеров в Приамурье из Цинской империи в середине XIX в. с целью ведения религиозной пропаганды среди местных жителей вызывало беспокойство Петербурга, администрации Восточной Сибири, как губернской так и областной. В силу того, что Франция в середине XIX в. являлась противником России, участвовала в Крымской войне на стороне Англии, а англо-французская эскадра действовала на Тихом океане против русских судов и портов, появление французских католических миссионеров в только что присоединённом, незаселённом и неосвоенном крае рассматривалось и центральными, и региональными властями Российской империи крайне отрицательно. Они опасались, что миссионеры в своих действиях преследовали не только религиозные, но и военно-политические цели: проводили оценку оборонно-экономического потенциала дальневосточной окраины Российской империи, поиск враждебно настроенных к России подданных из числа российских католиков с целью использования их в вероятной новой войне против России. А на юге российского Дальнего Востока находилось значительное количество сосланных сюда за государственные и политические преступления католиков.

В связи с этими событиями в Петербурге сочли нужным получить точные сведения о количестве российских католиков на Дальнем Востоке с целью их контроля и обеспечения их потребностей в совершении религиозных обрядов российскими католическими священниками.

В Памятной записке, представленной майором Петровым генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову 7 октября 1865 г., отмечалось, что в линейных батальонах Восточной Сибири находилось нижних чинов римско-католического вероисповедания из числа политических преступников 61 чел., из числа штаб и обер-офицеров – 2 чел. в Амурском казачьем войске, во 2-м линейном батальоне – 5 чел. Сведений об этой категории военнослужащих в линейных батальонах Приморской об-

ласти в штабе Восточно-Сибирского военного округа не было [1: л. 23].

Настоятель Иркутской римско-католической церкви Шверницкий 30 сентября также получил задание от окружного начальства штаба Восточно-Сибирского военного округа побывать в Амурской и Приморской областях и представить список католиков, находившихся в Приамурском крае, что он и сделал 2 октября [1: л. 30 и об. 26–27], после приезда из вышеуказанных областей. Настоятель Иркутской Римско-католической церкви ежегодно посещал Приамурский край для исполнения церковных треб.

По его неполным сведениям (он мог сообщить только о тех католиках, которые были у него на исповеди и приобщились к святым таинствам), в регионе насчитывалось следующее количество католиков.

В Амурской области, не считая г. Благовещенска, военнослужащих-католиков имелось, включая казаков, 49 чел. (в том числе 41 чел. мужского и 8 чел. женского пола); среди гражданских лиц (чиновники, поселенцы, мещане и временно проживающие) – 28 чел. (25 мужчин и 3 женщины). В городе Благовещенске военных, включая казаков, – 106 чел. (91 чел. мужского и 6 чел. женского пола); гражданских лиц – 38 чел. (31 чел. мужского и 7 чел. женского пола). Всего в Амурской области проживал 221 католик.

В Приморской области, не считая г. Николаевска, среди военнослужащих насчитывалось католиков 75 чел. (68 мужчин и 7 женщин), среди гражданских лиц – 20 чел. (11 мужчин и 9 женщин). В г. Николаевске число военнослужащих католиков, включая казаков и моряков, составляло 119 чел. (106 мужчин и 13 женщин); среди гражданских лиц, включая чиновников, поселенцев, мещан, временно проживающих и купцов, – 56 чел. (42 мужчины и 14 женщин).

Всего в Приморской области проживало 270 католиков, а в обеих областях – 491.

Кроме того, по мнению ксёндза Шверницкого, в Уссурийской крае и в портах, на судах, находившихся в плавании, также имелось много католиков. Часть католиков отсутствовали на месте, когда там был Шверницкий [1: л. 26–27, 43 об.].

Собрав необходимые сведения, М.С. Корсаков 29 октября 1865 г. отправил секретное отношение министру внутренних дел (№ 303), в котором сообщил, что в Амурской области находился 221 католик, в том числе 188 мужчин и 33 женщины; в Приморской области – 270 католиков (227 мужчин и 43 женщины). В Уссурийском крае, по данным Корсакова, католиков было «весьма незначительно». Ксёндз Шверницкий ежегодно посещал Приамурский край для исполнения там духовных треб [1: л. 31].

В 1866 г. военные губернаторы Амурской и Приморской областей вновь представили генерал-губернатору Восточной Сибири сведения о проживавших во вверенных им территориях католиках. По данным генерал-майора Н.В. Буссе, в Амурской области на 15 марта 1866 г. проживало 168 католиков (156 мужчин и 12 женщин) [1: л. 33, 43]. По сведениям военного губернатора Приморской области контр-адмирала И.В. Фуругельма, в войсках области насчитывалось 323 католика, преимущественно нижних чинов, в том числе в Уссурийском крае – 73 чел. [1: л. 44].

15 ноября 1867 г. М.С. Корсаков вновь сообщает министру внутренних дел Валуеву о количестве католиков в Приамурском крае. По его сведениям, в Амурской области проживало 168 католиков (156 мужчин и 12 женщин), в Приморской области – 323 католика, в том числе в Уссурийском крае – 73 [1: л. 48 и об.].

Чтобы российские католики имели возможность отправлять требы и не обращаться за этим к иностранным миссионерам, министерство иностранных дел высказалось за то, чтобы начальство Восточной Сибири позаботилось об отправлении, «хотя бы по временам», в Приморье и Приамурье католических священников, которые пользовались доверием российского правительства, для удовлетворения духовных треб местного населения. Это средство, по мнению заместителя министра иностранных дел Вестмана, отклонило бы нужду в заграничных миссионерах, действия которых могли бы дать повод к международным конфликтам. А этого Петербург старался «всеми мерами избежать» [1: л. 50]. Эти указания правительства 23 февраля 1868 г. Председатель Совета по управлению Восточной Сибирью генерал-лейтенант Шелашников направил военным губернаторам Забайкальской, Амурской и Приморской областей «для сведения и неперемногого руководства» [1: л. 51].

Таким образом, появление католических миссионеров в Приамурье в середине XIX в. для ведения религиозной пропаганды среди местных жителей вызывало беспокойство администрации Восточной Сибири и Министерства внутренних дел. Они опасались, что эта пропаганда могла, с одной стороны, помешать деятельности православных миссионеров в крае и распространению православия, а с другой, католические миссионеры могли преследовать и другие цели: политические (например, ведение антирусской пропаганды) и военные (разведка), что угрожало безопасности только что присоединённого и почти беззащитного юга Дальнего Востока.

Поэтому правительство и власти Восточно-Сибирского генерал-губернаторства принимали все меры, чтобы запретить деятельность иностранных католических миссионеров. Но это делалось не в

ущерб интересам российских католиков, чьи культовые потребности должны были удовлетворяться российскими католическими священнослужителями, лояльными режиму, которых командировали сюда специально из Иркутска. С середины 60-х гг. XIX в. российские власти взяли под строгий учет всех католиков, проживавших на юге Дальнего Востока, и попытались установить за ними контроль, используя для этого верных России местных руководителей католической церкви. Все это позволило нейтрализовать деятельность иностранных миссионеров и сохранить лояльность России местных католиков, в первую очередь военнослужащих, многие из которых являлись высланными сюда из западных областей политическими преступниками, предотвратив использование их иностранными державами для сбора разведывательных данных о военно-экономическом и политическом положении российского Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. 24. – Оп. 11/1. – К. 8. – Д. 131.
2. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи. С прибавлением статей из путешествий Г. Раде, Р. Маака и др. / А. Мичи ; пер. с нем. – Санкт-Петербург, Москва : М.О. Вольф, 1868. – VI, 351 с.
3. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). – Ф. 87. – Оп. 1. – Д. 983.
4. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Департамента его императорского величества Канцелярии, 1857. – Т. XI, Ч. I. – 264 с.
5. Свод законов Российской империи, издания 1857 года. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Департамента его императорского величества Канцелярии, 1857. – Т. XIV. – 222, 64, 100, 201, 177, 127 с.